

О. В. Епархина

Структуралистские модели «новых революций» в работах Т. Скочпол

Структуралистские теории исторической социологии позволяют рассматривать социальные, политические и культурные революции в многообразных новых социальных и политических условиях. Т. Скочпол находит наиболее эффективным использование таких теорий в анализе новых революций, включающих революции в странах Второго и Третьего мира, а также революции в неопатримониальных режимах.

Ключевые слова: историческая социология, новые революции, структурализм

O. V. Eparkhina

Structural Models of "New Revolutions" in Th. Skocpol's Research

Structural theories of historical sociology make it possible to research social, political and cultural revolutions in different new political and social conditions. Theda Skocpol suggests using these models for effective analyzing of new revolutions. This type of revolution contains revolutions of the Second and Third World and some types of revolutions in neopatrimonial regimes.

Keywords: historical sociology, new revolutions, structuralism.

Теда Скочпол (*Theda Skocpol*) – одна из наиболее ярких современных представителей Гарвардской школы, с 1996 г. она также являлась президентом Ассоциации исторической социологии как междисциплинарной профессиональной исследовательской группы. На разных этапах научной карьеры Т. Скочпол занималась изучением роли государства и его институтов в развитии революционных процессов, проблемами формирования политического доверия, успешно сочетая глубокие теоретические изыскания с эмпирическими исследованиями. Ее работы охватывают огромный спектр тем, включая, например, сравнительный политический анализ (*States and Social Revolutions*, 1979), анализ специфики американской политики (*Protecting Soldiers and Mothers: The Political Origins of Social Policy in the United States*, 1992) [6; 7]. Наибольшую известность ей принесли вышедшие с середины 1970-х гг. работы, посвященные анализу социальных революций: *State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia and China* (1979); *Explaining Revolutions: in Quest of a Social-Structural Approach* (1976); *Social revolution in the modern world* (1994); *States and Social Revolutions: a Comparative Analysis of France, Russia and China* (1979).

В одной из наиболее известных своих работ «Государство и революции. Старые режимы и революционные кризисы во Франции, России и Китае» (1979) Т. Скочпол анализирует социаль-

ные трансформации и революции с точки зрения их взаимосвязи с экономическими (изменение производственной структуры и производственных отношений), социальными (изменения классовых структур) и политическими (изменения международных институтов, организаций, внутригосударственных институтов) процессами, рассматривая в качестве наиболее характерных периодов существенные, длительные и качественные социальные изменения и сдвиги в обществах, переживающих смену социально-экономических формаций [1; 2].

Труды Т. Скочпол написаны под влиянием макроисторических исследований 1970–80-х гг., отстаивавших идею о развитии государства как института подавления и насилия. Методологическими же основаниями ее работ выступают марксистская и конфликтологическая парадигмы: «Государство рассматривается не иначе, как арена конфликтов социальных и экономических интересов» [5, с. 78], хотя, характеризуя состояние исследований по указанной проблематике с 70-х гг., она отмечает их полипарадигмальность: «Главное направление исследований заключается в сочетании марксистской и либеральной социальной теории... Одна типичная точка зрения состоит в том, что государство является арендой легитимации общественного авторитета, воплощаемой в правилах политической игры и лидерства, а также политических действий, поддерживаемых некоторыми комбинациями нормативно-

го консенсуса и предпочтениями большинства членов общества» [5, с. 78].

Другим направлением ее работы является систематизация представлений об исторической социологии и ее методологии, осуществленная в поздних статьях. Характеризуя повестку дня и текущие стратегии исторической социологии, она отмечает, что этого научного направления фактически не существовало до 70-х гг. прошлого столетия, ибо работы по сравнительной истории Мура, Эйзенштадта и Бендикса методологически не относятся в полной мере к области исторической социологии. В сер. 70-х появляются работы Валлерстайна и Тилли, происходит всплеск методологической активности в сер. 80-х. Европейская индустриальная революция, рост рабочего класса стимулируют направления исследований таких авторов, как Дж. Коген, М. Траготт, Голдстоун, Виктория Боннелль, Мэри Фулбрук, Д. Заретц, М. Адам, К. Тримбержер,

Е. Джермасси, М. Чаррад, Р. Доре и Ч. Сабель, А. Орлофф, Ф. Кастельс, Дж. Вильсон, И. Лайт, Д. МакАдам и пр. Скочпол выделяет ряд исследовательских моделей, характерных для этих авторов:

- присоединить общую модель к объяснению исторических фактов;
- использовать концепты для развития основных исторических интерпретаций;
- анализировать регулярные случаи в истории [7, с. 363].

Наиболее активно такие стратегии реализуются в работах Ч. Тилли, П. Андерсона, И. Валлерстайна, Б. Мура, Дж. Бреннера, Н. Смелзера и самой Теды Скочпол. Они в разной мере сочетают положения Дюркгейма, Парсонса, Маркса, Милля. Скочпол выступает за теоретический скептицизм и диалог с историческим видением общественных процессов [7; с. 385]

Таблица 1

Т. Скочпол. Исследовательские стратегии в исторической социологии

	Общие модели объяснения исторических событий		Концепции развития в исторической интерпретации		Анализ повторяющихся исторических случаев
Единичный случай	Эрикссон, Шварц		Томпсон, Старр	Гоулднер	Скочпол (статьи)
		Валлерстайн			
Множественные случаи	Смелзер		Бендикс, Гритц		Бреннер, Гамильтон, Скочпол (книги), Мур
←Тилли		Андерсон		Фредрикссон	Тилли →

Согласно моделям, предлагаемым самой Т. Скочпол, главную роль при анализе случаев революции должен играть анализ организаций – административных и милитаризованных. Основные теории исследования революций (социально-психологические, марксистские и функционалистские), между тем, ограничиваются рассмотрением государства и иных политических организаций и их роли в социоэкономических процессах, ориентированы на поиск их теоретической и исторической универсальности [3, с. 14–27], Т. Скочпол предлагает более комплексный подход. Согласно ее выводам, важен и внешнеполитический, геополитический контекст, что подтверждается фактами внешней контрреволюционной экспансии в рассматриваемых случаях [4, с. 9]. Особо интересны с этой точки зрения революции сер. XX в. в небольших, зависимых и слабых государствах. Также ее интересуют механизмы слияния культуры и идеологии в качестве революционного фактора, как это было в случае с марксизмом-ленинизмом и конфуцианством, влияние маргинальных элит и создание

новых структур (армия, милиция, новая бюрократия и пр.). Она прямо указывает, что «ее структурализм деромантизирует революцию» [4, с. 10].

Т. Скочпол методологически отвергает мировую капиталистическую систему как объект анализа [4, с. 12] и акцентирует внимание на нациях и регионах.

Свой методологический подход Т. Скочпол называет «исторически обоснованным социоструктурным стилем объяснения» революций [4, с. 13], он предусматривает в том числе использование статистических техник анализа различных случаев. Альтернативной ему методологической базой исследований является исторический нарратив отдельных случаев; в рамках структуралистского подхода Скочпол возможно воссоздание паттернов революционных действий на примере сопоставления революционных ситуаций и результатов.

Не ставя собственно философских проблем изучения революции (соотношение революции и прогресса, эволюции, антиреволюций (кроме,

пожалуй, Б. Мура), проблем завершенности и незавершенности революций (последними проблемами занимаются историки: незавершенность революций Германии, Италии, Испании, Португалии, Японии и пр.), социологи сегодня в большей мере занимаются проблемой экспорта революции или соотношением революций и малых локальных переворотов, так называемыми надстроечными (политическими революциями) и культурными революциями, проблематикой национально-освободительных революций как их особой разновидности в самых разнообразных их формах – от восстания до мирных вариантов. В силу этого в работах Скочпол можно выделить два направления: **анализ традиционных классических революций** [1, 2, 5] и **анализ «новых революций»** [6].

Предпосылкой конструирования модели «новых революций» у Т. Скочпол является анализ альтернатив крестьянского революционного участия, автономных крестьянских революций (Мексика, Боливия, Франция и Россия) и мобилизации крестьянства профессиональными революционерами, (Китай Вьетнам, Куба и пр.) как двух альтернативных стратегиях коллективных действий, анализ выбора крестьянами националистического или коммунистического направления движения, различия между крестьянами [4, с. 17] На основе этих данных разработана модель, реализуемая в анализе революций в странах Второго и Третьего мира и в неопатримониальных режимах.

Модель революции в странах Второго мира. Этот тип революций рассматривается Т. Скочпол и Дж. Гудвином с точки зрения обусловленности последних типом политического режима и отношением между государством и обществом. В общественных системах Второго мира крайне важной представляется межклассовая поддержка революционных движений, но это не было не переменным условием успеха, свидетельством чего являются примеры таких стран, как Филиппины, Малайзия (Викхайм-Кроули, Голдстоун, Форан и пр.). Иран, Куба и Никарагуа, напротив, представляли собой диктатуры, в силу чего в рамках их изучения представляет интерес роль милитаризованной поддержки.

Особое внимание Т. Скочпол в 90-е гг. привлекает шиитский ислам в Иранской революции. Иранская революция 1977–79 гг. опровергает определение социальной революции Т. Скочпол как резких базисных изменений государства и классовой структуры и доминирующей идеологии [4, с. 240], но если взглянуть на эти события внимательнее, то ее теория как раз объясняет ситуацию.

Иранские высшие классы с их прозападным стилем жизни включали и бюрократию, и иностранных инвесторов, и местных капиталистов. Революция осуществлялась старым и новым средним классом и городскими рабочими. В итоге смещение шаха привело к смене капиталистических собственников, администрации, права, типа силовых структур, трансформировались социокультурные и структурные основы отношений.

Здесь Т. Скочпол весьма близка к концепции Ч. Тилли, говоря о том, что низшие классы в таких условиях пытаются, но не могут проводить достаточно эффективных акций, и тогда особую важность приобретает участие в акциях вооруженных сил (в том числе поддерживаемых из-за рубежа) и поддержка крестьянства. Между тем, крестьянство зачастую вовлекается в революционные действия, не осознавая или не поддерживая революционных целей и лозунгов лидеров; именно этот факт служит причиной сложностей, возникающих впоследствии с воссозданием новых политических институтов.

Иран стал продуктом интенсивной модернизации, индустриализации, и общество теряло связь с шахской властью. Революция в данном случае была продуктом общественной дезориентации; кроме того, отмечалась неэффективность органов насилия и влияние ислама как ключевые факторы революционного взрыва под управлением Хомейни. Сформировалось всеохватывающее движение против коррупции и империалистической монархии.

Т. Скочпол сопоставляет иранскую ситуацию с ситуациями в России, Франции и Китае с целью выявить ее отличие от этих классических революционных случаев. Ситуации схожи в таких позициях, как наличие абсолютной монархии, аграрной бюрократии, послевоенное влияние иностранных сил на территории страны. Существенным отличием является наличие в Иране городских общин как базиса политического сопротивления. Темпы урбанизации населения были крайне высоки: накануне революции число горожан увеличилось на 50 % [4, с. 244], а крестьянские общины не могли стать базисом революции: крестьяне урбанизовались и мигрировали в города. Городские общины объединяли торговцев, рабочих, ремесленников в соответствии с предписаниями ислама. В рамках этих общин была возможна вертикальная мобильность, сформировавшая собственную национальную городскую интеллигенцию. Между тем, шахом в 70-х гг. была предпринята атака на традиционные аспекты самоорганизованной городской жизни, что спровоцировало взрыв социальной активно-

сти и солидарности; сформировалось и стало оформляться революционное движение, цементирующим элементом которого стал ислам с радикальным духовенством во главе, традиционно исторически используемый в стране для создания различных общественных альянсов.

В Иране революции реализовалась путем использования существовавших культурных и организационных форм. Даже мощные фигуры религиозных лидеров были во многом культурно обусловленными: Хомейни воспринимался как один из имамов, по словам которого, «ислам был всевключающей тотальностью» [4, с. 252]. После свержения шаха демонстрации продолжились уже против американского империализма и секуляризации элиты. Духовенство стало доминировать в меджлисе, произошла реформа образования и утвердился теократический режим. Т. Скочпол проводит параллели Ирана и якобинской республики, когда сформировалась нация-государство.

Модель революций в Третьем мире. Социальные революции в малых, зависимых государствах вне Европы (Азия, Алжир, португальская Африка, Куба, Эфиопия, Иран и Никарагуа) традиционно были в центре внимания сравнительно-исторических исследований. Историческая социология при исследовании таких революций опровергает мифы о наличии профессиональных революционеров и о попытках прервать революции [4, с. 259]. Социологи показывают, что эти революционные идеи не могут быть объяснены только такими факторами, как «рука Москвы» и влияние западной культуры. Остается неясным, почему стала возможной революция в Китае и Вьетнаме, а не в Индии и Индонезии, на Кубе, а не в Доминиканской республике и Гаити, Никарагуа или Гондурасе [4, с. 260]. Представляется возможным классическое объяснение причин революции Л. Троцкого, сводящееся к утверждению, что «частной собственности недостаточно для революции, надо, чтобы (массы) всегда были взбудоражены» [4, с. 261]. По мнению Дж. Гудвина и Т. Скочпол, это весьма релевантное утверждение применительно к революциям в странах Третьего мира. Кроме того, надо учитывать, как это показано в работах Э. Вольфа, Дж. Мугдала и пр., роль крестьянства в революциях. В настоящее время дебаты в рамках научных школ, изучающих Третий мир, идут по следующим проблемным точкам: Э. Вольф и Дж. Пейдж дискутируют о типах крестьян, участвующих в революции; Д. Скотт и Дж. Папкин – об относительности экономических, культурных и организационных детерминант крестьянского поведе-

ния, психологической природе мотивации крестьянского поведения.

В этих дискуссиях Т. Скочпол занимает промежуточную, умеренную позицию, полагая, что все эти аспекты одинаково существенны для анализа. Ее интересует переход от крестьянского движения к революционным коалициям, к передаче власти, рост организованной поддержки революции со стороны бедных и средних крестьян и безземельных мигрантов-рабочих, реже – богатых крестьян и землевладельцев (Никарагуа, Вьетнам и Зимбабве) [4, с. 262]. Она полагает, что социальная структура способна объяснить специфику революционной поддержки. В Иране преобладали студенты, профессионалы, служащие, городские рабочие, на Кубе и в Никарагуа – те же слои и бизнес-слои и т. д. Т. Скочпол интересуется, каким образом профессиональные революционеры объединяют эту разношерстную социальную базу. Религия, противостояние тирании, популизм, национализм являются наиболее распространенными основами объединения. Марксистские группы в последнем случае были наиболее успешны, апеллируя к коллективному благу. В этом вопросе она во многом солидарна с Ч. Тилли и указывает, что классическая марксистская теория, наполняющая революционные организации рабочим классом, не соответствует действительности в современных условиях; режимы начинают колебаться только при росте коалиций: вначале происходит установление либеральных демократий, объединение и кооптация лидеров и обозначается фокус оппозиции, затем в ходе герильи создается параллельная иерархия, основа для которой уже имеется, и происходит революционный скачок.

Модель революции в неопатримониальных режимах. Особый сорт таких режимов – султанизм, исследованный в работах Ш. Эйзенштадта и Дж. Голдстоуна; также примерами таких режимов являются режимы Батиста, Диаса, Сомосы, иранская монархия. Т. Скочпол понимает под ними персональное манипулирование правилами индивидуальным диктатором [4, с. 268] и подчеркивает их особую важность для анализа революций, поскольку по сравнению с неперсональными и бюрократическими формами авторитаризма персональные диктаторы способствуют формированию более сильной оппозиции среди среднего класса: землевладельцев, клерков, профессионалов и бизнеса. Вторым важным моментом в таких режимах является иностранное влияние (например, США или СССР). Третий важный момент – высокий уровень коррупции и низ-

кий уровень профессиональной компетенции вооруженных сил в таких режимах.

Обозначая эти позиции, Т. Скочпол выступает против Ш. Эйзенштадта, который считал, что указанные режимы, напротив, препятствуют революции, поскольку общество в них склонно к стабильности на религиозной или этнической основе. Примерами являются Ф. Маркес на Филиппинах и Ф. Дювалье на Гаити, хотя такие режимы выполняют все контрреволюционные задачи.

Территориальный контроль, кооптация и элит и среднего класса, устранение лидеров, транзит политического режима – все это происходит именно в рамках таких режимов, поэтому они более подвержены бюрократизации и авторитаризации [4, с. 270]. Крайне интересен в таком ключе опыт Ч. Тилли, рассматривавшего претендующие на власть группы как особый тип элит. Связь между колониальным режимом и революциями, по мнению Скочпол, должна быть исследована именно как связь между революцией и неопатримонализмом. Более того, прямое колониальное правление дает более широкие возможности для революционной мобилизации и создания революционных коалиций. Примером являются французские и португальские колонии. Прямое колониальное правление не может дать стабильности, неревolutionная политическая система скорее придет к формированию военных и гражданских элементов, а также сформирует среднелассовую и элитарную оппозицию, в то время как колониальная власть и прямая диктатура обеспечивает фокус оппозиции. Военные силы в таких колониях скорее выступают как реформаторы, стремящиеся к национальной независимости. Сравнивая прямое и не прямое колониальное правление, она указывает, что более сильной с точки зрения милитаристского потенциала будет система с парламентской демократией [4, с. 272]. Она дает обществу относительно лояльную элиту. Подтверждением этому служит поражение массовых революционных движений 40-х и 50-х Малайи, Кении, на Филиппинах, несколько менее показательны Индия, Индонезия и Бирма. Согласно Т. Скочпол, революции более вероятны при последовательном нарастании трех факторов:

- проникновение на национальную территорию внешних групп;
- инкорпорирование мобилизованных социальных групп;
- бюрократизация армии и государственной администрации [4, с. 273].

Эти параметры революционности ситуации отражены в Таблице 2 и на Рисунке 1.

Таблица 2
Т. Скочпол: некоторые характеристики политики исключения [4, с. 274]

Патримониальные диктатуры и прямое колониальное правление	Бюрократически-авторитарные режимы и не прямое колониальное правление
Относительная слабость, коррумпированность и дезорганизация гражданской администрации и армии	Сильная гражданская администрация и армия
Политическая открытость затруднена: военный реформизм и гражданско-милитаристские соглашения маловероятны	Политическая открытость возможна: военный реформизм и гражданско-милитаристские соглашения весьма вероятны
Основания для существования элитарной и гражданской оппозиции в руках правителя	Элитная оппозиция менее желательна
Внешняя поддержка более желательна, особенно при условии развития элитарной оппозиции	Внешняя поддержка более желательна, особенно при условии развития политической гласности
Возможность дезинтеграции государства, особенно в случае ухода диктатора или ослабления диктатуры или колониальной власти	Дезинтеграция государства менее вероятна во время политических кризисов и переходов

Анализируя социальные революции и массовые военные мобилизации населения, Т. Скочпол рассматривает концепции классического марксизма, М. Вальтцера, Ш. Эйзенштадта, С. Хантингтона и отмечает, что все революции приводили к той или и степени тоталитаризма или авторитаризма. Даже классические революции России, Китая и Франции она рассматривает как обусловленные внешней войной и полагает, что все революции связаны с международным геополитическим контекстом, во всяком случае, их политические фазы всегда учитывали эти требования. При этом надо было направлять постреволюционную энергию мобилизованных масс: «...коммунистические варианты организации России и Китая предоставили эту возможность, но революции в таком случае являлись по сути антидемократическими» [4, с. 285].

Интересно, что в соответствии с марксистской традицией российская революция опиралась на пролетариат и имела сходство с китайской моделью, опиравшейся на крестьянство. Обе страны боролись с иностранной интервенцией и были ориентированы на армию, шла милитаризация общественной жизни в условиях ограниченности ресурсов.

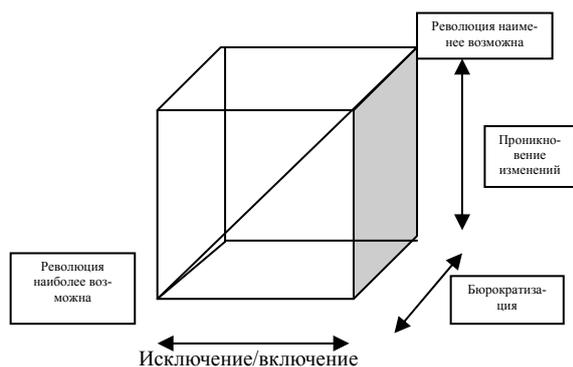

Рисунок 1. Т. Скочпол: графическое изображение революционных возможностей [4, с. 217]

Этот геополитический контекст получает интересную интерпретацию в рамках социальных революций в развивающихся зависимых странах – неопатримониальных режимах Кубы, Мексики, Никарагуа и Ирана. Они включались в мировую капиталистическую экономику и глобальную экономическую систему. Социальные революции вели к формированию более националистических режимов, чем существовавшие прежде, и эти режимы были маловлиятельны на мировой арене. Большинство революций в Третьем мире происходили в форме вооруженной борьбы за национальную независимость в условиях мощного иностранного влияния: экономического, политического, военного и культурного.

Поэтому Т. Скочпол говорит о «социальных революциях в тени великой власти» [4, с. 287–288]: это СССР в Восточной Европе, США в Центральной Америке. Особо интересны случаи Мексики, Кубы, Боливии и Никарагуа как специфические варианты формирования электоральной демократии в западном стиле или однопартийных режимов.

Кроме того, революции Третьего мира интересны своей коммунистической или исламистской направленностью либо напротив, резкой антикоммунистической ориентацией.

На выбор пути часто влияли геополитические факторы: так, колониальный статус Вьетнама повлек за собой формирование оригинального революционного тренда; шиитское духовенство Ирана сформировало религиозный революционный паттерн. Такие революции удовлетворяют требованиям к социальной революции как марксистского, так и модернизационных подходов: с точки зрения марксистов имел место классовый конфликт, изменились отношения собственности, что задало паттерн социополитических изменений; с точки зрения модернизационных подходов интересны возможности традиционного ислама

как основы модернизации, жизнеспособность таких режимов.

Т. Скочпол в качестве наиболее заметных авторов, формирующих современную методологию анализа социальной революции в рамках исторической социологии, выделяет Форана и Гудвина (исследования ситуации в Никарагуа 80–90-х), Викхайм-Кроули, Пейджа, Гарра, Хигли и Пакульски, Гольдфранка, особо выделяя Гудвина (политическое спонсорство СССР и США) и Викхайм-Кроули, который проверяет теоретические гипотезы о специфике революций в Третьем мире. Оба этих автора концентрируют внимание на изучении условий и результатов социальных революций.

Дж. Гудвин интересен работой 1988 г. «Государство и революция в Третьем мире». Через призму предшествующих теорий Гудвин изучает структуру империй и национальных государственных институтов, политические связи государства и социальных групп политического плана, выявляет, каким образом вооруженные революционеры становятся претендентами на политическую власть в случае поддержки не только крестьян, но и коалиций национального масштаба, в том числе с участием высших классов [4, с. 306]. Малайя, Филиппины и Вьетнам особо интересны в этом плане, поскольку в этих случаях коммунистическая герилья поддерживалась национальными движениями. Кроме того, интересны случаи Никарагуа, Сальвадора, Гватемалы. На контрасте с режимами эксклюзии рассматриваются и инклюзивные режимы, примером которых является спонсирование Японией националистов Индонезии во время военной оккупации. Разница в специфике административного управления режима также приводит к революции: наличие революционных ситуаций напрямую зависит от того, реализует ли режим методы прямого колониального правления или нет, что хорошо иллюстрируется примерами Азии, Центральной Америки (режим Сомосы в Никарагуа). Авторитаризм и политическая эксклюзия в сочетании с революционными движениями в неопатримониальных режимах и прямым колониальным правлением, как правило, приводили к революциям.

В работе Т. Викхайм-Кроули 1992 г. «Герилья и революция в Латинской Америке» исследовано левое вооруженное и невооруженное движение, особенно движение студентов и коммунистов. Им рассмотрен случай Кубы 1956–59 гг. на предмет наличия крестьянской поддержки революции. Как и Гудвин, Викхайм-Кроули пытается найти механизмы возникновения и развития революционного движения, но делает это иным

путем: он учитывает специфику культуры, социальной структуры и геополитического положения региона, включающего такие страны, как Куба, Венесуэла, Гватемала, Колумбия, Перу, Боливия. Этот регион был сотрясаем волнами протестных движений в 1956–70-е гг. (Никарагуа, Сальвадор, Гватемала, Колумбия, всего 28 случаев), которые он пытается проанализировать с помощью математических методов и создать комплексную теорию. Ему удалось выделить 5 условий революционной победы:

- организационная попытка движения к революционным целям (предпринята попытка классификации населения, участвующего в такого рода организациях, по трем критериям: социальное положение, образование и возраст);

- различные социоструктурные и исторические условия формирования социальных групп, особенно региональная специфика поддержки крестьянством революционных лидеров;

- рост военной силы герильи, что также связано с крестьянской поддержкой и иностранной помощью;

- форма режима и типы внутренних конфликтов и бюрократии, поскольку именно за счет них патримониальные режимы, авторитаризм и профессиональные вооруженные силы открывают дверь разрушению государства и созданию революционных коалиций. Коллективные авторитарные режимы теряют власть иным путем – примерами их являются режим Горбачева и Южная Африка [4, с. 312–313]

Т. Скочпол полностью солидарна с Кроули, указывая, что с сер. XX в. начинается серия революций против неопатримониальных режимов, которые происходят опосредованно и вопреки контрреволюционным настроениям. Революции в Третьем мире не могут быть предотвращены за счет вмешательства иностранных сил, интернациональные процессы всегда имеют национальную почву [4, с. 316]. Т. Скочпол указывает, что «...социальное знание о случаях, причинах и последствиях социальных революций должно быть сфокусировано на государственной организации и отношениях и паттернах отношений общество–государство».

Необходимо применение сравнительно-исторического анализа (Андерсон, Тилли, Хантингтон, Стефенсы, Эспин-Андерсен, Меллоу, Орлофф, Кохли, Фогель, иных макрокомпаративистских теорий) и марксистской теории истории. При этом дискуссионными фигурами для нее являются Л. Троцкий и М. Буравой; она предлагает критику М. Буравого, Кайзера и Хетчера, сочетая

индукцию и дедукцию в сравнительно-исторических методах. Т. Скочпол поясняет: «Мой структурализм – критика марксизма, структурного функционализма и теорий фрустрации-агрессии, которые пытаются описать и объяснить революции в терминах коллективных акторов: пролетариат, буржуазия, революционные движения или ресинхронизации социальной системы» [4, с. 325]. Выход состоит в дополнении исторической социологии теориями рационального выбора. Необходимо понять, что именно вовлекает людей в групповые акции. Скочпол обоснованно отвечает тем, кто считает ее позитивистом, что она, напротив, призывает вернуться к нарративной истории, но с социологической точки зрения [4, с. 327], как это делают Адамс, Барки, исследовавшие крестьянские бунты в соотношении с разными типами государства, социальной структуры и мировых исторических процессов, транзит режима и виды авторитаризма и пр.; Дженкинс при анализе ресурсной мобилизации; Т. Мак Даниеа, Ф. Фархи при анализе понятия автократической модернизации; Дж. Голдстоун при анализе кризисов легитимации.

Т. Скочпол отмечает, что социология всегда была исторически обоснована [7, с. 1]. Специфика исторической социологии заключается в следующем:

- она изучает социальные структуры и процессы в пространстве и времени;

- она изучает масштабные социальные процессы;

- она акцентирует взаимодействие индивидуальной жизни и социальных трансформаций [7, с. 1].

Исходя из этого Маркс, Вебер и Токвиль историчны в своих исследованиях [7, с. 2], однако, еще более близки принципам исторической социологии представители американской школы: Бендикс, Липсет, Миллс. Т. Скочпол говорит о 9 исследователях, которые демонстрируют наибольшую близость методологии и исторической социологии: Тилли, Валлерстайн, Томпсон, Андерсон, Бендикс, Поланьи и М. Блох, Эйзенштадт, Мур. Все они в начале своей работы были в оппозиции ортодоксальной университетской науке и научным ассоциациям, и лишь позднее приобрели признание в качестве исследователей, создавших собственное методологически уникальное направление. Т. Скочпол подробно анализирует их методологию, ступени академической карьеры и признания, делая акцент на исторической критике функционализма, экономизма и эволюционизма и проводя методологические

параллели Эйзенштадт-Андерсен и Бендикс-Томпсон [7, с. 13].

Эйзенштадт и Андерсен интересны тем, что, подвергая критике структурный функционализм и марксизм, исследуют тенденции долгосрочного развития общественных структур, проводят концептуализацию отдельных исторических периодов и политических режимов. Итогом их исследований становятся модели социальной интеграции (Эйзенштадт), модели производства (Андерсен), паттерны классового доминирования и борьбы.

Работы Бендикса интересны описанием отдельных контрастных исторических случаев в теоретическом аспекте. Он предлагает абстрактные версии веберовской концепции, сводя теоретические идеи к построению типов общественных структур.

Томпсон предлагает узкую экономическую аргументацию общественных процессов. Наиболее известна предложенная им версия экономической детерминации классов,

Все эти четыре исследователя по сути лишь отреагировали альтернативным образом на вызовы существующих теорий [7, с. 15], не выходя на уровень научного диалога. И. Валлерстайн и Ч. Тилли, по мнению Т. Скочпол, находятся ближе других к этому критическому диалогу; по теоретическим и методологическим вопросам И. Валлерстайн в качестве методологической основы исследований использует марксизм и модернизационные теории, рассматривая капиталистическое общество как единое целое, Ч. Тилли делает акцент на процедуры измерения, создание баз данных, использование стандартных социологических методов при сравнении групп, регионов, временных промежутков на предмет репертуара коллективных действий. Им близки работы Блоха, Сомерса, Поланьи и Мура.

Историческая социология предпринимает попытки на высоком теоретическом уровне дать объяснение общественного развития в формате исторических паттернов; но зачастую эти попытки ограничены и сводятся к описанию частных случаев или применению частных методов. Таким образом, историческую социологию можно назвать попыткой совмещения возможностей исторической науки и современной позитивистской традиции в социологии, а структуралистские модели предлагают максимально полную схему анализа современных революционных процессов.

Библиографический список

1. Епархина, О. В. Социальная революция в фокусе исторической социологии [Текст] / О. В. Епархина. – Ярославль: Литера, 2011. – 216 с.
2. Епархина, О. В. Социоструктурные трансформации в работах Т. Скочпол [Текст] / О. В. Епархина // Вестник МГУ, серия 18 политология и социология. – 2010. – №. 3. – С. 58–73.
3. Skocpol Th. Explaining Revolutions: in Quest of a Social-Structural Approach // Uses of Controversy in Sociology / Ed. by L. A. Coser, O. N. Larsen / Th. Skocpol. – N. Y.: Free Press, 1976.
4. Skocpol Th. Social revolution in the modern world. [Text] / Th. Skocpol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
5. Skocpol Th. State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia and China [Text] / Th. Skocpol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
6. Skocpol Th. States and Social Revolutions: a Comparative Analysis of France, Russia and China [Text] / Th. Skocpol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
7. Skocpol Th. etc. States and social revolutions. [Text] / Th. Skocpol. – Cambridge etc.: Univ. press, 1979.

Bibliograficheskij spisok

1. Yeparkhina, O. V. Sotsial'naya revolyutsiya v fokuse istoricheskoy sotsiologii [Tekst] / O. V. Yeparkhina. – Yaroslavl: Litera, 2011. – 216 s.
2. Yeparkhina, O. V. Sotsiostrukturnyye transformatsii v rabotakh T. Skochpol [Tekst] / O. V. Yeparkhina // Vestnik MGU, seriya 18 politologiya i sotsiologiya. – 2010. – №. 3. – S. 58–73.
3. Skocpol Th. Explaining Revolutions: in Quest of a Social-Structural Approach // Uses of Controversy in Sociology / Ed. by L. A. Coser, O. N. Larsen / Th. Skocpol. – N. Y.: Free Press, 1976.
4. Skocpol Th. Social revolution in the modern world. [Text] / Th. Skocpol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
5. Skocpol Th. State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia and China [Text] / Th. Skocpol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
6. Skocpol Th. States and Social Revolutions: a Comparative Analysis of France, Russia and China [Text] / Th. Skocpol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
7. Skocpol Th. etc. States and social revolutions. [Text] / Th. Skocpol. – Cambridge etc.: Univ. press, 1979.